

тонъ, слышалось откашливаніе и вслѣдъ за тѣмъ грануль нестройный хоръ.

— «Я вновь предъ тобою стою очарованъ», выдѣлялся звучный теноръ Дыхляева.

— Господи! — жена Олина сложила руки. — И мой здѣсь же, — сказала она съ отчаяніемъ вполголоса, прислушиваясь къ фальшивому баску мужа.

— Недурно поютъ, — одобрилъ инспекторъ. — Не знаете, кто это?

Олина замаялась.

— Свадьба сегодня у одного чиновника.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! Ура! — крикнулъ хоръ.

— Это чтѣ такое? — изумился инспекторъ.

— Съ прїѣздомъ, ваше превосходительство!

Инспекторъ высунулъ голову въ окно. Пѣвцы съ громкимъ хохотомъ разбѣжались.

— На водочку бы намъ! — донесся откуда-то уже издали голосъ Дыхляева.

Инспекторъ покачалъ головой.

— Не учителя это? — спросилъ онъ подозрительно.

Олину бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Солгать — завтра по голосамъ узнаетъ, сказать правду... Тогда чтѣ будетъ?

— Они... Не погубите, ваше превосходительство! Трое дѣтей! — зарыдала она, падая инспектору въ ноги.

На другой день произошла въ высшей степени тяжелая и позорная для Корнева сцена.

— Вы не догадываетесь, зачѣмъ я васъ собралъ? — спрашивалъ инспекторъ учителей.

Инспекторъ сидѣлъ въ креслѣ, положивъ ногу на ногу и закинувъ руки за спинку кресла. Учителя полукругомъ стояли передъ нимъ. Корневъ стоялъ, мрачно опутивъ голову. Дыхляеву, казалось, очень трудно было удержаться отъ смѣха при взглядѣ на плотнаго старичка съ лысой головой, гладко-выбритымъ лицомъ. Особенно же смѣшила его верхняя губа инспектора, искривлявшаяся и подергивавшаяся при каждомъ словѣ. У Олины тряслась рука, которой онъ придерживалъ шпагу, тряслись ноги, тряслось сердце. Блѣдный, съ дрожащими губами, робкимъ взглядомъ, онъ представлялъ совершенную противоположность и Дыхляеву, и Веймару, спокойно стоявшему нѣсколько поодаль отъ нихъ.

— Не догадываетесь? — спросилъ еще разъ инспекторъ.